

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ: «ПОЭЗИЯ – ЭТО ЖИЗНЬ»

В 1976 году после окончания факультета журналистики МГУ Александр Казинцев учился в аспирантуре на кафедре критики главного вуза страны. Её возглавлял Анатолий Бочаров – известный ортодоксальный советский критик, литературовед, один из самых последовательных русофобов, ненавистников традиционного крестьянского, народного мира. Подстать заведующему были и преподаватели кафедры: В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Г. Белая, В. Баранов, Л. Вильчек.

Дело не только в А. Бочарове, ибо кафедра критики – лишь сколок со всего факультета журналистики, космополитически русофобского на протяжении последних как минимум пятидесяти лет. А. Казинцев так вспоминает о журфаке МГУ 1970-х годов: «Мы там и не слыхали о русских писателях! Ясен Засурский – декан факультета – приводил к нам Аксёнова, Сола Доктору. Писатели были и русские, и американские, но взгляды у них одни – они сильно недолюбливали Россию».

В годы обучения в аспирантуре (1976–1979) Казинцев живёт в интеллектуально-духовном мире, параллельном миру кафедрально-факультетскому. Он много времени проводит в библиотеке МГУ. Сравнивая её с «Ленинкой», в 2008 году Александр Иванович сказал: «В отличие от неё, фонды университетской библиотеки не были столь ревностно прорежены тогдашними блюстителями идеологической чистоты. Там я познакомился со стопятидесятилетним изданием Святых Отцов, книгами философов и поэтов Серебряного века». На квартире Казинцева проходят философские семинары, где читают, обсуждают работы В. Розанова, П. Флоренского, Н. Бердяева, Л. Шестова, сборник «Из-под глыб»...

Ясно, что аспирантский неуспех такого – некафедрального, нефакультетского, несоветского – Александра Казинцева был заранее предопределён. На его предзащите научный руководитель Галина Белая заявила: «Либо я, либо он». В унисон руководителю Казинцева высказался и Валентин Оскоцкий: «Эта диссертация действует на него, как красная тряпка на быка».

Причины такой реакции лежат на поверхности. Казинцев критиковал Бориса Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Виктора Шкловского и других «оппоязовцев», что для либеральной интеллигенции разных поколений – редкое кощунство, тяжкое преступление. Ещё большим преступлением было то, что дис-

сертант побивал звёздных формалистов цитатами из «крамольных» авторов: Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Степана Шевырева, Василия Розанова...

Неудача Казинцева на предзащите кандидатской диссертации не была собственно неудачей. Более того, её нужно воспринимать как подарок судьбы: таким образом, для молодого человека был закрыт путь в безмятежное литературоведение – мёртвую науку.

Думаю, что всеми этими вопросами Казинцев тогда не задавался. Главным и, по сути, единственным делом его жизни в 1970-е годы была поэзия. Именно с оглядкой на личную творческую судьбу и судьбу друзей по «Московскому времени» написана первая критическая статья «Несвоевременный Катенин».

«Опыт беды» – грибница, из которой вырастают любимые, главные, сквозные идеи всего творчества Александра Казинцева. В «Несвоевременном Катенине» (1982) «опыт беды» понимается как способность человека, попавшего в экстремальную ситуацию (военную, политическую, творческую, личностную), остаться верным себе, верным идеалам красоты и правды народной. Кульминация на этом пути – неравный бой, в котором человек сознательно идёт на смерть. Таким образом, одерживается духовная победа над самим собой, страхом, смертью физической.

Идея народности – альфа и омега русской литературы XIX века – становится идеей Казинцева на рубеже 1970–1980-х годов. Однако эта идея не рифмовалась с определённым кругом идей, настроений «Московского времени» (1975–1978), альманаха, душой которого были А. Казинцев и А. Сопровский. Об этом периоде жизни и творчества Александра Казинцева с опорой на письма, воспоминания, стихи непредвзято, со знанием дела рассказала Маргарита Синкевич в статье «Александр Казинцев: от “Московского времени” к “Нашему современнику”» (Родная Кубань. 2017. № 4).

Сам Александр Иванович поведал о своей поэтической молодости впервые в 1991 году в статье «Придворные диссиденты и “погибшее поколение”». «Наследство» Бориса Корнера, с опозданием опубликованное в СССР в 1990 году, Казинцев называет «романом о моём поколении». Оно характеризуется, в частности, так: «Встречаясь, мы подбадривали друг друга: «Не забывай, где живешь». Это незамысловатое приветствие призвано было хоть как-то смягчить удары тотального хамства <...>. Требования к “окружающей среде” были минимальными: не посадили, ну так радуйся. Зато и отторжение среды было полным. Ах, как любил мои сверстники в ответ на очередное насильственное “ты должен” ответить: “Я ничего и никому не должен”».

В 1991 году Казинцев, называя такую позицию наивной, делает акцент на «не должен». Позже, повторюсь, на рубеже 1970–1980-х годов на смену

эгоцентрическому видению себя в окружающем мире пришли принципиально другие чувства, мысли, убеждения. Они были постепенно выстраданы и рождены любовью. Вот как определяется новая ипостась в становлении личности Казинцева и многих представителей «погибшего поколения» в данной статье: «Мы отвечаем за этот день не перед нынешними властями придерживающими – перед Родиной».

Александр Иванович прошёл путь, характерный для многих писателей, мыслителей, творческих людей XIX–XX веков. Первым ключевым эпизодом на этом пути национального самоопределения, «единения с народом» стала «встреча» с Василием Шукшиным. О ней в 2008 году Казинцев рассказал следующее: «Мощнейшим эмоциональным толчком стал для меня просмотр фильма Василия Шукшина «Калина красная». Приятель буквально затащил меня в кино. Но стоило мне увидеть лицо Шукшина, я вдруг почувствовал, осознал потрясённо: «Это – брат мой!» Он так же смеётся, так же печалится и мучается. Спустя годы я узнал, что это же ощущение испытало множество зрителей – от колхозных механизаторов до академиков.

И тут же – второе открытие – как ожог: «Я русский!». До этого я не задумывался ни о своей национальности, ни о проблеме как таковой. А тут заговорила душа, кровь. Я стал искать другие фильмы Шукшина. Узнал, что сам он считает себя не киношником, а писателем. Что Шукшин – член редколлегии «Нашего современника» и там напечатал лучшие свои произведения, в том числе и киноповесть «Калина красная»».

Станислав Куняев в своих мемуарах «Поэзия. Судьба. Россия» верно заметил, что отношение к государству – одна из основных линий водораздела между писателями-патриотами и писателями-либералами в 1960–1980-е годы. Об этом на примере «Московского времени» и «погибшего поколения» написал Александр Казинцев в 1991 году: «На грани восьмидесятых <...> произошла показательная метаморфоза. Многие (думаю, здесь Александр Иванович преувеличивает. – Ю. П.) захотели «послужить». Послужить Отчизне – именно так, с большой буквы; «Тогда же и я пошел работать в журнал “Наш современник”, Юрий Селезнев призвал меня – послужить».

Так, идея «единения с народом» у Казинцева естественно закольцевалась идеей служения Отчизне, что подразумевало, как позже уточнит Александр Иванович в «Сраженных победителях», защиту интересов России и русских.

Идея служения виделась Александру Казинцеву на редакторском поприще, в критической, а позже – публицистической деятельности. Так получилось, что эти три творческие ипостаси Александра Ивановича (в каждой из которой он стал одним из лучших в России) на долгие десятилетия «закрыли» для читателя Казинцева-поэта. Только в последние годы начался процесс возвращения Казинцева-лирика. Смотрите стихотворные подборки в журналах «Юность», «Московский вестник», «Родная Кубань» и других.

«Эти ослепительные дни», адресованные читателям «Огням Кузбасса», в очередной раз убеждают в том, что Александр Иванович Казинцев – Поэт, чьё мировидение и художественное слово не спутаешь ни с кем.

Юрий ПАВЛОВ,
г. Краснодар

